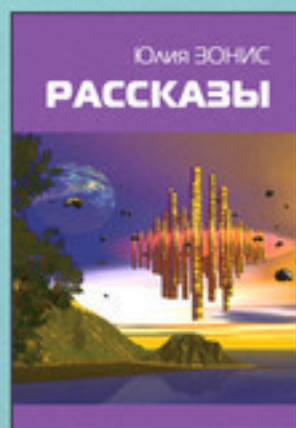

Юлия Зонис

Контра

Часть сборника
Рассказы

Юлия Зонис

Контра

«Автор»

2007

Зонис Ю. А.

Контра / Ю. А. Зонис — «Автор», 2007

«Истошно заливался будильник на тумбочке рядом с кроватью. В окно сочилось прокисшее рассветное молочко. Со стены пялилась на Андрея географическая карта – смотрела в оба полушария, и красные зоны на ней казались лопнувшими от напряжения сосудами. Андрей сел на кровати, запустил пальцы в слипшиеся от пота волосы. Ладонь еще помнила холод мертвой воды, однако сон медленно уплывал, рассеивался туманом – как и в прошлый раз, и в позапрошлый, и сотню раз до того...»

© Зонис Ю. А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Про. Церковь на болоте	6
1	9
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Зонис

Контра

Земля – это просто идиотский шарик, Мик. Шар, который мы вращаем ногами. Совсем как в детстве – помнишь, эти здоровые бобины во дворе? Пустые барабаны, надо было держаться за поручни и переступать, а они крутились под ногами. Ты был на том, что повыше, я – на том, что пониже, ты всегда был выше ростом, Мик, всегда, всегда. Земля может пыжиться, может считать, что она вертится сама по себе, удерживая нас силой притяжения, но мы-то знаем правду, Мик. Это мы вращаем Землю.

Про. Церковь на болоте

Говнодавы погружались в жижу сантиметра на два, а дальше уже было твердое. Будто и не по болоту идешь, а по хребтине утонувшего здесь черт знает когда зверя. Тварь упала в болото, бросила свой скелет от края до края. Ее затянуло грязью, дичью, но все же отчетливо ощущается под ногами острый хребет.

Слега была, в общем-то, не нужна. Тот, кто знал дорогу, так и шагал, будто по струнке, а по сторонам жадно чавкала хлябь. Оступишься, не поможет и палка. Но Андрею оступаться незачем, не раз здесь ходил.

К ночи затуманило, ползло по ногам, на уровне колен, серое волгло. Не мешало.

Дорогу Андрей чуял, вбок не смотрел, хотя там прорезались уже и загуляли болотные огни. Здесь они были тусклее, чем на Границе, бледные, зеленоватые, противные огоньки. Странно, думал Андрей, странно, что там, за Границей, огни красивые, яркие, синие. Хотя должно же там быть хоть что-то красивое.

На полпути сделал остановку. Присел на торчащий из болота то ли корень, то ли камень, то ли все же позвонок умершего дракона. Вытащил сигареты, спички. Пришлось сложить руку домиком, чтобы прикрыть огонек – над поверхностью болота ощутимо тянуло сквознячком. Это было неприятно, и, главное, неожиданно – обычно чем ближе к Границе, тем недвижней воздух, будто и не по лесу идешь. Сквознячок попахивал. Ой-вэй, как сказал бы коллега из маленькой, но гордой страны, Шимшон. Ой-вэй. Неужели Граница опять поползла?

Граница была на месте. Стена дрожащего воздуха, чуть размывающего контуры предметов с другой стороны. Она пролежала прямо по болоту, по воде, по низким островкам травы и рогаза. Говорят, когда-то здесь было озеро. И сейчас сохранились кой-какие ключи, один ручеек даже пересекал Границу, сочился медленно, вяло, дно его было илистым и бурым. Андрей встал подальше от ручейка.

По ту сторону всегда была ночь. По эту тоже солнышко не жарило, светило кое-как сквозь болотную хмарь. А сейчас и вовсе вечерело. Церковь, старая церква, стоящая прямо на границе и лишь чуть-чуть перекосившаяся на ночную сторону, осталась слева от Андрея. В сумерках перекося был почему-то более заметен, и от этого становилось беспокойно. Правое крыло церкви уходило за стену, мерцающая граница проходила точно по островерхой маковке и кресту. Левое крыло оставалось на андреевой стороне болота. Там поднимались из топи высокие деревянные ступени. Ни одна камышина не проросла сквозь щели в досках. Давно уже никто не ступал на это крыльцо. Дверь с Андреевой стороны была заколочена крест-накрест, и вдобавок заперта на большой амбарный замок. Открыта ли дверь с той стороны, Андрей не знал, и каждый раз забывал спросить.

Сейчас он выбрал кочку побольше, так, чтобы не слишком уж предательски пружинила под ногами, и стал ждать. Ждать пришлось недолго. С той стороны замигало огоньком, тем самым, ярким, синим. Через некоторое время показалась человеческая фигура. Человек шел, время от времени наклоняясь, будто вытаскивал что-то из воды. Когда он подошел поближе, стало ясно, что в руке его что-то вроде небольшого котелка. Туда человек складывал подвернувшиеся ему на пути болотные огоньки.

Андрей бросил окурок под ноги. Сколько уже здесь бывал, а всякий раз надо сделать усилие, заставить себя шагнуть ближе к мерцающей стене. Иначе и не разглядишь. А увидеть Андрею хотелось. Он поежился, привычно отгоняя страх, и шагнул.

Пришедший с той стороны не изменился. Все та же потрепанная десантная форма, разве что за то время, что они не виделись, гость разжился новой курткой. Та была велика и болталась у него на плечах, сразу видно – не по нему сшита. Один глаз – знакомый, голубой – увидеть это сейчас было невозможно, но Андрей-то знал – смотрел прямо в лицо пришедшему

с дневной стороны. Второго глаза не было. На месте его чернела дыра, по краям раны бугрилась обожженная плоть. Увидев это впервые, Андрей не выдержал, всхлипнул, спрятал лицо в ладонях. Сейчас смотрел спокойно. Привык. В руке у гостя был человеческий череп. Верхушка его была аккуратно отпилена, туда-то и складывались огоньки. Из глазниц черепа били снопы света. Некстати припомнился Хеллоуин, глупый и чужой праздник. Только там в череп-тыквину вставляли свечу, и горела она теплым человеческим светом. Здесь же свет был холодный и напоминал о мертвецкой. Там бы и увидел Андрей гостя в последний раз, если бы тот умер не так далеко от дома.

– Андрюха.

А голос был прежним. Это причиняло боль, и к боли привыкнуть было трудней, чем к простреленному глазу. Андрей знал – голос живого почти не меняется с возрастом, разве что в детстве, превращаясь из дисканта в уверенный басок. Оказалось, что и у мертвых сохраняется все тот же знакомый голос.

– Митяй.

Андрея качнуло к Границе. Потребовалось усилие, чтобы удержаться, не вляпаться в мерцание. Андрей не знал, что случилось бы, если бы однажды он оступился. Но он не оступился.

Пришедший помахал черепом.

– Света у нас мало. Вот, решил заодно затовариться.

Он положил череп на кочку, присел на корточки. Вытащил пачку сигарет. Усмехнулся:

– Огоньку не кинешь?

Андрей полез за спичками в карман, прежде чем осознал, что опять купился на эту шутку. Сколько раз ходил, столько и попадался. Митька за Границей заржал. Андрей поморщился:

– Не надоело?

Митяй пожал плечами, прикурил от собственной зажигалки.

– Скучно тут у нас. Ты вон редко приходишь. Да не дергайся, нормально все. К другим вообще не ходят. Таких отчаянных, как ты, поди, и нет уже.

Это правда. Ходили к Границе немногие. Разве что лесничие захаживали по осени, после первых холодов – выше по течению ручья болото порастало красным мхом, и там водилась особенно крупная и сладкая клюква.

– Ну, вот и скучаем. Сейчас вообще пиздец – у вас лето там, а у нас и солнце не светит. Зимой еще кое-как, а летом ни хрена. Огни эти дурацкие собираем, но на всех не хватает. Так и сидим в темноте.

Митька затыкнулся. Андрею казалось, что черная дыра на месте выбитого глаза тоже втягивает дым. По спине пробежали мурашки. Вот ведь херня. Родной брат. Никогда бы Андрей не признался, что боится его. А боялся. Митяй, кажется, что-то почувствовал, поглядел единственным своим голубым глазом, но ничего не сказал. Андрей передохнул, откашлялся. В горле першило, то ли от сигаретного дыма, то ли от застарелой горечи.

– Аленка тебя помнит. Я ей твои слова передавал, что ты ничего, не обидишься, а она – нет и нет. Другого, говорит, не надо мне. Ну, пенсия ей хорошая идет, так что они с Димкой не бедствуют. Я им, когда приезжаю, тоже подкидываю. Нормально живут. Квартиру покупать собирается...

Брат порылся в кармане. Большая куртка была неудобной; он качнулся, перенес вес на левую ногу.

– Письма опять не возьмешь?

Андрей мотнул головой.

– Нет. Ты же знаешь – нельзя. Извини.

– Ничего я не знаю.

Митька нахмурился, отчего кожа над раной сморщилось и лицо стало пугающе уродливым. В синем мертвецком свете оно казалось неживым, да и было таким, давно было, пять лет как, а если Андрей сейчас говорил с братом и видел его – так это же Граница. Только на Границе и можно, да не со всяким, да не всякий и решится. И на минуту показалось – оно и правильно. Андрей прогнал трусливую мысль. Просто глядел, как Митька вынимает из кармана пачку писем и швыряет их в ручей. Небыстрое течение подхватило листки. Но они быстро набухали, напивались влагой, словно и не бумага это была, а вата. Большая часть ушла на дно. Границу пересек лишь один. Его прибило к берегу недалеко от Андрея. Если бы тот напрягся, то смог бы прочесть первые слова письма, пока вода не размыла их и листок не слился с комками мусора и травы. Неожиданно Андрею стало жалко письма – он представил, как там, в бессветном и мертвом городе, Митька старательно выводил эти строки, как морщился, подбирая слова – и вот письмо уже часть болота. Почти против воли Андрей нагнулся, потянулся, и пальцы его коснулись мокрой, водой сочащейся бумаги, сжались, выжимая влагу – и тут ладонь его, предплечье и плечо пробило таким холодом, что...

...что он проснулся. Истошно заливался будильник на тумбочке рядом с кроватью. В окно сочилось прокисшее рассветное молочко. Со стены паялась на Андрея географическая карта – смотрела в оба полушария, и красные зоны на ней казались лопнувшими от напряжения сосудами. Андрей сел на кровати, запустил пальцы в слипшиеся от пота волосы. Ладонь еще помнила холод мертвой воды, однако сон медленно уплывал, рассеивался туманом – как и в прошлый раз, и в позапрошлый, и сотню раз до того.

1

Голова птицы свешивалась набок, как у изрядно перебравшего алкаша. На клюве запеклась кровь.

– Опять с падалью возишься? – спросил Андрей.

Печник неспешно разогнулся. Голубиный трупик в его руке снова мотнул башкой.

– Ай, не говори так, начальник. Видишь – полезное дело делаю, мусор убираю.

Южный акцент Печника казался искусственным. На скуластом лице шурился правый глаз – а левый, пустой и мертвый, смотрел куда-то вверх. Когда Андрей увидел Печника впервые, такое странное косоглазие показалось почти комичным. Почти.

– Мусор, говоришь?

Шрамовник усмехнулся и кивнул на переполненную урну. Тротуар рядом с урной был усыпан окурками и надорванными бумажными пакетами в масляных пятнах – на углу бойко торговал чебуречник.

– Вот тебе мусор. Бери – не хочу.

– Э-э, ты же все знаешь, начальник, зачем прикидываешься? Это совсем ненужный мусор, никудышный, что бедный человек с ним делать будет?

– А с падалью что?

На самом деле Андрей отлично знал, что Печник Рахмад будет делать с падалью. Наберет сейчас еще два десятка задавленных голубей. На худой конец сгодятся и вороны. Птицы, умершие естественной смертью, Печника не интересовали. Если повезет, набредет в каком-нибудь дворе на повешенную мальчишками кошку – окостеневшую, с тусклой шерстью и мучительно распахнутой пастью. А если уж совсем повезет, наткнется и на размазанный по разделительной полосе собачий труп. Андрей подозревал, что у Печника обширная агентура, и дохлятину к нему свозят со всего города. Мертвых зверей Рахмад аккуратно сложит в черные полиэтиленовые мешки и переправит своему поделнику – Ефиму Кривошпатову. Тот подрабатывает ночным сторожем в морге. Мешки аккуратно составят в угол в темном и холодном зале, и будут они дожидаться своей очереди, когда старший сын Рахмада вернется из рейса и подбросит отца на точку. Там мусорщик разложит мешки – и останется только подождать, пока медленно, незаметно Граница не проползет оставшиеся метры и не проглотит приношение. А с той стороны по узкому и быстрому ручью поплывут бумажные кораблики... Андрея давно занимал вопрос, почему Печник предпочитает убитую живность сдохшей от старости. Может, за Границей только такие и оживают – если можно назвать это жизнью?

– У племянника попугайчик волнистый сдох. Тебе не надо?

Печник скривился-усмехнулся.

– Мальчик голову попугаю открутил? Раз-два: схватил – оторвал?

– Ты что, старый? – возмутился Андрей. – Пацан и мухи не обидит. От старости попугай сдох.

– А-а, – с деланным разочарованием протянул Печник, – тогда не надо, нет, спасибо большое.

Андрей оттолкнулся от ствола липы, на который опирался, и навис над стариком.

– А почему не надо? Хороший попугай, бери, даром отдаю. Не то что твой Кривошпат – по полтиннику за ворону дохлую.

Печник сжался, по-черепашьи втянул в плечи плешистую голову.

– Ай, начальник, мне подарков не надо – я честно торгую, за все рублями плачу, и налог плачу, и пошлину плачу, и деньги на приюты ваши даю.

– Письма носишь...

– Какие письма?

– А такие. Митька письмо передавал?

Печник пожал плечами. Голова его нырнула и вновь выскочила, как вспугнутая лягушка.

– Не знаю никаких писем.

– И опять ты врешь, – тихо и терпеливо сказал Андрей. – Вечно врешь. Зачем мальчонке своему глаз выколол?

Печник отшатнулся.

– Что ты такое говоришь, начальник? Я Камилю глаз выколол?

От волнения фальшивый акцент Печника исчез, и его русская речь зазвучала вполне чисто.

– Я собственному сыну буду глаз колоть? Да я пальцем его не трону, пылинки сдуваю, он у меня в ботиночках новых ходит, не то что некоторые...

И прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнее. Андрей смотрел на старика, тяжело и неприятно смотрел.

– Так. И где ты Димкины ботинки видел?

– А я ничего и не видел.

Печник вздохнул. Тощая грудь поднялась и опала, пахнуло псиной от старого пиджачка. Показалась торчащая из расплзшегося шва соломинка, и на секунду Андрею представилось, что старик этот – и не старик вовсе, а неопрятное чучело, и в прорехи высовывается мякина и соломенная гниль.

Шрамовник смотрел на смуглую луковичную лысину и ждал. Минуту, две. Наконец Печник снова вздохнул и пробормотал, не поднимая головы:

– Что вам от меня надо, Андрей Дмитрич? Зачем мучаете, почему жить не даете?

Андрей качнулся с носка на пятку. Неширокая улица пылила двумя рядами автомобилей, лениво перемигивались светофоры на углу, и тихо, на самой границе слышимости, звенел спрессованный летней жарой воздух. Тень от липовых листьев скользила по лицу Печника, и казалось, что мертвый глаз его лукаво поблескивает.

– От Митьки письмо принес?

Печник чуть помедлил и кивнул.

– Передал уже?

Старик мотнул головой.

– А где оставил? Дома?

Кивок. Андрей поморщился и приказал:

– Ну, так пригласи меня к себе в гости.

2

Дома у Печника было нехорошо. Дело не в отклеившихся полосках обоев и темных пятнах на мебели – видал Андрей квартирки и похуже. Здесь неприятно пахло. С кухни несло восточной едой, жирной, на подгоревшем жиру, воняли ботинки в прихожей, из ванной тонко и безнадежно тянуло плесенью и дешевым шампунем. За стенкой перхало и шаркало, невнятно гудел телевизор. Когда Андрей с Печником поднимались по заплеванной лестнице, высунувшаяся из соседней двери бабка подозрительно сощурилась и прошипела: «Лимита. Понаехали тут!» Впрочем, наткнувшись на взгляд Андрея, бдительная старуха тут же нырнула обратно и загремела цепочкой.

И вправду, лимита. В столовой окна были занавешены тяжелыми шторами, темными, бархатными, неуместными в этой бедности и грязи. Тускло светила лампа с пыльным плафоном. Не успел Андрей усестись на предложенный стул, как откуда-то пришаркала древняя бабка. Пожевывая сухими губами и мотая немывтыми космами, она протянула к Андрею когтистую клешню и прошамкала: «Ай, добрый человек, дай погадаю, всю правду скажу, ничего не скрою». На секунду шрамовника пробрало детской жутью. Откуда-то всплыло воспоминание: мать, указывая на таких же бабок-гадалок, толпящихся у вокзала, торопливо тащит маленького Андрея за руку и шепчет: «Не смотри на них, Андрюша, не смотри, а то сглазят». Андрей отвернулся со смесью жалости и отвращения. Из кухни выбежала толстая черноволосая женщина в засаленном фартуке и, подхватив старуху под руку, повела ее вглубь дома. Старуха что-то бормотала не по-русски, а младшая ей втолковывала: «Это важный гость, имамма, очень важный, не нужно ему твое гадание». Потом она перешла на другой язык, с многочисленными «ы» и «у» – то ли тюркские, то ли монгольские корни.

Спровадив старуху, женщина вернулась и смахнула со стола хлебный мусор.

– Устраивайтесь поудобней пожалуйста, сейчас чай будет.

Андрей хотел сказать, что не надо чая, но хозяйка уже скрылась на кухне.

– Фатима лепешки сегодня пекла. Попробуйте свежих. А на мать не обращайтесь, она и гадать не умеет.

Шрамовник обернулся. У себя дома Печник выглядел по-другому, будто в здешней серости и тоске ему и было самое место. Акцент исчез напрочь, а сам мусорщик распрямился, стал выше ростом. И лицо разгладилось, помолодело. Андрей неожиданно понял, что Печник Рахмад вовсе и не старик – вряд ли ему было больше сорока. Мешок он оставил в прихожей и успел уже вымыть руки и переодеться в домашнее. Андрей поморщился.

– Не надо мне лепешек. Лучше письмо принеси.

Печник мягко возразил:

– У нас так не принято, Андрей Дмитрич. Вы гость. Гостя голодным отпустить – семь лет счастья не знать. И Фатима обидится.

Шрамовник хмыкнул:

– Вот скажи мне, Печник – зачем ты, русский человек, прикидываешься то ли туркменом, то ли таджиком? Я же знаю – ты родился в Москве.

– Восточных людей здесь не любят. Моя жена и дети – восточные люди, чем же я лучше них?

Андрей не нашелся, что ответить. Из кухни уже спешила Фатима. В руках у нее был поднос, уставленный чашками и блюдами. Споро сгрузив свою ношу на стол, женщина вернулась на кухню и принесла высокий медный кувшинчик с кипятком. Печник неодобрительно покачал головой.

– Вот вам пример. Так заваривать чай, как в Кажганде, нигде не умеют. А что мы будем пить? «Липтон» в пакетиках. Восточных людей не любят, и они хотят забыть, что это такое – быть восточным человеком.

– А воду кипятите в кувшине. Что, на электрочайник не хватает?

Печник промолчал. Андрей с брезгливостью смотрел на блюдо с лепешками. Большие, желтые, они маслянисто поблескивали, и так и казалось, что мелькнет сейчас между ними лаково-черный таракан. Андрей с детства ненавидел всякую нечистоту. Перед едой мыл руки по два или три раза и ежедневно менял полотенца в ванной. В грязи мережились и зачатки болезней, и зерна распада. Недаром же там, во сне, Граница всегда проходила по болоту... Шрамовник рефлекторно вытащил из кармана белоснежный платок и вытер пальцы.

– Спасибо, я сыт. Письмо принеси, и я пойду.

– Оно там.

Печник кивнул на слабо освещенный прямоугольник двери.

– Там, на столе. Найдете конверт по адресу. Да их и немного, не ошибетесь.

Андрей с облегчением встал. Он уже сделал несколько шагов к двери, когда оттуда послышался деревянный стук и сопение. Спустя пару секунд показалась игрушечная лошадка-каталка. На лошадке сидел мальчик лет трех. Сидел как-то странно, кособоко, напряженно вытянув шею и отталкиваясь от пола правой ногой. Бледное до синюшности, худенькое лицо мальчика искажала гримаса. Левый уголок рта был оттянут вниз, а левый глаз, полузакрытый веком, поблескивал обнаженным белком. Левая рука малыша, ссохшаяся и неживая, бессильно свисала – но правой он решительно вцепился в лошадиную гриву. Андрей испугался, что мальчик сейчас упадет. Непонятно было, каким чудом он удерживается на лошади. Шрамовник наклонился к малышу, но сзади уже набежала Фатима, и, причитая на все том же незнакомом языке, унесла мальчика вместе с лошадкой в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.